

на Красной площади, у Лобного места, а в „царских палатах“, причем точно указана и дата открытия собора: „7059, месяца февраля в 23 день“.¹ Наконец, различна сама идейная направленность вставки в Хрущевскую Степенную книгу и речей царя на Стоглаве. В Стоглаве, несмотря на ряд резких упреков, брошенных в адрес боярства, царь не угрожает им, а, наоборот, действует с ними заодно против осифлянского духовенства. В „речи“ же с Лобного места угрозы по адресу „сильных“ и вельмож звучат вполне определенным лейтмотивом.

В целом структура и содержание „речи“ являются отличными и независимыми от Стоглава. Следовательно, можно говорить лишь об использовании автором вставки в Хрущевскую Степенную книгу материала речей царя на Стоглаве.

С другим выступлением Ивана Грозного в середине XVI века — выступлением на так называемом „Соборе примирения“, запись которого дошла до нас в составе Хронографа, — „речь“ на Лобном месте не имеет ничего общего. Во-первых, здесь мы имеем дело с произведением совершенно другого характера. Хронографическая запись выступления Ивана IV в 1549 году свободна от риторики, она конкретно указывает имена бояр, участвующих в этом совещании в царских палатах (а не на Красной площади!), конкретно указаны и обиды, чинимые боярами, о которых говорил тогда Иван IV.² Царь здесь не только не грозит боярам, после того как они бьют челом о прощении своих вин, но и прямо заявляет: „По ся время сердца на вас в тех делах не держу и опалы на вас ни на кого не положу“³ (сравни с этим „Ждите воздаяния своего!“ во вставке).

Можно предположить, что автор подделки в какой-то мере использовал при составлении „речи“ подлинный текст Степенной книги. Правда, в подлинном тексте нет никакого упоминания о выступлении царя когда бы то ни было с Лобного места; но там есть рассказ о положении Русского государства в годы малолетства Ивана IV. Так, там говорится, что после смерти царицы Елены Глинской бояре и „прочие вельможи“, воспользовавшись моментом, занялись расхищением казны.⁴ „Кийждо себе различных и высочайших санов желажу, и инии ж получаху, но обаче на мало время. И нача в них быти самолюбие и неправда, и желание на восхищение чюждого имения. И воздвигоша велию крамолу между себе. И властолюбия ради друг друга коварствоваху“.⁵

Если учесть, что подделанную „речь“ Ивана IV от этих слов в Хрущевском списке отделяет буквально одна страница, то можно сделать предположение, что именно это место натолкнуло автора „речи“ на мысль о сходстве переживаемого им периода со временем малолетства Петра I. В процитированном месте встречается и упоминание о крамолах, и о захвате „чюждого имения“ и о стремлении получить

¹ Стоглав, стр. 19.

² „... До ево царсково возрасту от них и от их людей детям боярским и крестьянам чинилися силы и продажи и обиды великия в землях и в холопах и вы иных обидных делах, и оне бы вперед так не чинили, детям бы боярским и крестьянам от них и от их людей силы и продажи и обиды во всяких делах не было никоторья“ (ПСРА, т. XIX, ч. 1, стр. 528).

³ ПСРА, т. XIX, ч. 1, стр. 529.

⁴ На полях Хрущевского списка в этом месте отмечено: „Зри“ (л. 517 об.).

⁵ Цит. по тексту Хрущевской Степенной книги (лл. 517 об. — 518). Редакция текста в ПСРА (т. XXI, ч. 2, стр. 634) несколько отличается от нашего. В первом тексте, например, есть упоминание, что маленькому Ивану было в год смерти его матери 8 лет („осмому лету тогда наставшу от рождения его“), это совпадает с указанием вставки („аз остался... матери своей осми лет“).